

Любимая Енисеева-Варшавская

Шахмардан Абилов – единственный певец, который занимается изучением творчества Абая. Это не просто творческая деятельность, это граничит с научной деятельностью. На оперных спектаклях и концертах Абилова присутствовали тысячи слушателей во всех областях Казахстана, а также в Алматы, Астане, Москве, Киеве, Лондоне. И всюду они проходили с большим успехом.

Иногда я думаю: вот Абай, его стихи и строки откровений, открытость чувств и причудливость их выражения... Поэт, идеалист, философ и – заключенная в песнях надежда... Мелодия и рифмы, музыка и слово, а между ними, мне кажется, есть что-то еще. Наверное, это душа. Неизменно живая, наполненная энергией абаевского «я», она радуется и страдает, стучится в наши сердца и проникает в сознание. Она – проводник адресованных нам мыслей поэта.

Шахмардан Абилов: «Пою для людей»

Любители музыки, и оперы в том числе, безусловно, порадовались тому, что среди награжденных Государственной премией РК за 2006 год значится имя одного из лучших мастеров казахстанского вокала Шахмардана АБИЛОВА. Заслуженный деятель республики, профессор, заведующий кафедрой сольного пения Казахской национальной консерватории им. Курмангазы, он уже много лет является ведущим солистом Государственного академического театра оперы и балета им. Абая. В разное время им исполнены партии Риголетто, Жермона, Амонасро в спектаклях «Риголетто», «Травиата» и «Аида» Дж. Верди, Жанботы в «Биржан и Сара» М. Тулебаева, Томского в «Пиковой даме» П. Чайковского, Грязнова в «Царской невесте» Н. Римского-Корсакова, Бухар-жырау в «Аблайхане» Е. Рахмадиева и других оперных героев. Но главной своей партией на сцене нашего театра Шахмардан считает партию Абая в одноименной опере Ахмета Жубанова и Латифа Хамиди. Вот с нее-то и начался наш с ним разговор о том, какую роль сыграл Абай в его жизни.

– С Абаем у меня крепкие и долговременные связи, – говорит Шахмардан. – Я занимаюсь им едва ли не всю жизнь и все время открываю для себя что-то новое.

– Хотелось, чтобы вы рассказали об этом подробнее.

– Пожалуйста. Абай сопровождает меня с того момента, как я, выпускник Алма-Атинской консерватории имени Курмангазы, защищал свою профессиональную со-

стоятельность тем, что пел партию Абая в нашем оперном театре. Кстати, моим режиссером был тогда первый исполнитель этой роли – незабвенный Байгали Досымжанов.

– **А что, дипломникам полагается петь на такой большой сцене?**

– Нет, такое выпало только Мурату Мусабаеву, который стал потом народным артистом республики, и мне. Причем я заканчивал курс как преподаватель камерного пения, но госкомиссия постановила, чтобы я вышел на сцену в образе Абая, и я был безумно рад. Хотя, признаться, до сих пор мне неловко за ту свою самонадеянность. Как мог я, тогда совсем еще молодой и мало что смыслящий, согласиться на это? Но, видать, сам Бог велел. Все же идет по семейной цепочке – мать мне пела в детстве Абая, а такое, оказывается, западает в душу.

– **Но партию эту с вами кто-то же готовил?**

– Конечно! Моим педагогом в консерватории был Бекен Бекенович Джилисбаев. Народный артист республики, профессор, он сам прекрасно пел Абая и, конечно, вложил в меня все, что мог. Ну вот. Мой первый выход был в 1981 году. А по-настоящему к Абаю я пришел через шестнадцать лет – уже зрелым, набравшимся опыта, сложившимся человеком. Меня оставили преподавать в консерватории, и я делаю это до сих пор с удовольствием. Одновременно я был солистом нашей знаменитой консерваторской Оперной студии и также солистом Казахской государственной филармонии имени Джамбула. И вот тогда-то, готовя первый, традиционный для нашего вуза отчетный концерт, я и нашел в музыкальной библиотеке романс Еркегали Рахмадиева на слова Абая. Оказывается, Еркегали Рахмадиевич вообще забыл о нем, а когда я его спел, был поражен. «С новым романсом! – поздравляли его коллеги. – Гениально написано!» «Да я давно это сделал», – оправдывался он и выдал через какое-то время еще шесть романсов на слова Абая. Так в моем репертуаре появился целый абаевский цикл.

– **Вы как бы спровоцировали его!**

– Я – его, а он – меня. Я задался вопросом – а есть ли у нас, казахов, своя романсовая культура? Звучат народные, романсовой формы песни в концертах, исполняют два-три романса, написанные композиторами, и больше ничего. Вроде есть, и вроде нет. Но ведь тот же Абай создал несколько романсов. Любое произведение его не что иное, как романс. И я пошел копать в нотных записях и отобрал все казахстанские произведения, относящиеся к этому жанру. Обратился к народной музыке, кое-что нашел у Брусиловского, Жубанова, Мухамеджанова, Рахмадиева, Тлендиева, Кумисбекова. Обнаружил интересные обработки Хамиди, Сокольского, Великанова. И сразу стало очевидно, что в Казахстане не просто есть, а есть богатая романсовая культура! Но самые лучшие романсы, мне кажется, были написаны все-таки Абаем. Их у него двенадцать. Автор замечательных стихов, он и в музыкальном мышлении оказался емким. Думаю, многие наши композиторы стремились быть такими, как он. Потом я собрал романсовые тексты Абая по его стихам – их набралось восемьдесят, и получилась целая концертная программа. Тут тебе лирика, размышления, различные настроения и состояния природы, философские мотивы и шуточные стихи.

– **То есть вы подняли еще не тронутый пласт?**

– Да, и пел все это сначала для музыкантов. Много раз в Москве, выступал в Ашхабаде, Ташкенте, Минске и других городах Союза. Мне хотелось познакомить их с этой частью нашей культуры. К отобранным мною творениям присоединялись и другие, сочиненные молодыми композиторами. Новаторские – другой стиль,

иной подход – они не особо устраивали певцов, а я брал их с удовольствием. Мне было интересно, и потому многие писали для меня. Например, на слова Абая создали свои романсы Мансур Сагатов, Темиржан Базарбаев, Тулеген Мухамеджанов, а Бахытжан Аманжолов сделал обработку тех, что были написаны прежде. Со временем я стал давать абаевские концерты для публики, затем сложились целые вокальные циклы. Шел я к этому, конечно, через русский и европейский романс. Любя и зная этот жанр, много пел Шопена и Шуберта, Малера и Рахманинова, Чайковского и Глинку, Гурилева и Даргомыжского, композиторов наших дней. И, опираясь на эту школу, старался донести до слушателей глубину абаевской души. Потом я собрал все романсовые тексты Абая, и получилась богатейшая романсовая культура.

– **Так вы же первооткрыватель!**

– Да, но надо было ее еще и показывать, надо петь. И вот после выступления перед нашими музыкантами и композиторами я решился познакомить с нею своих друзей и коллег из других республик. Случилось это в Москве, где в 1991 году, после падения СССР были собраны все его композиторские Союзы на пленум под названием «Единение». «Развал системы – не значит развал культуры», – решили музыкальные творцы и устроили эту желанную встречу. И именно тогда в Малом зале Московской консерватории, где пели все великие певцы, я, член нашей большой делегации, выступил с программой казахского романса, включив в нее семь сочинений Рахмадиева на слова Абая. Пел на родном языке. Представляете: полный зал слушателей, большинство из которых – музыкальная элита советской школы, потрясающая акустика, и там впервые звучат абаевские шедевры! Я творил, как подсказывало сердце, – от пианиссимо до форте. Пелось, как на крыльях! А когда закончил последний романс – тишина. Тишина. И вдруг обвал несмолкаемых аплодисментов и «Браво, браво!». Цветы, поздравления, нас с Рахмадиевым фотографируют, для радио записывают, подходят музыковеды из разных республик. Единение!..

– **Все попало в точку, на нужный регистр?**

– Да, и Московское радио сделало лазерную запись этого цикла, а газета «Музыкальное обозрение» – позвольте мне похвастаться! – писала, что «в ряду открытий на этом пленуме был построенный на ярких контрастах цикл Еркегали Рахмадиева на стихи Абая в исполнении выдающегося певца Шахимардана Абилова».

– **Что ж, оценка – выше не бывает. Такое должно вдохновлять.**

– А так оно и было. Было множество концертов, я постоянно ездил по республике – иногда вместе с прекрасным исполнителем абаевских песен Жанибеком Карменовым, часто с Еркегали Рахмадиевым, музыковедом Юрием Аравиным и знатоком творчества Абая Гарифуллой Есимовым. Мне нравилось встречаться со зрителями, рассказывать о включенных в программу произведениях и тут же исполнять их. Немало выступлений дали мы также в год празднования 150-летия великого просветителя с известным литератором, переводчиком «Слов назиданий» на русский язык Ролланом Сейсенбаевым. Роллан Шакенович открыл тогда в Лондоне Дом Абая. И там, в этом Доме, организовал юбилейные торжества на самом, как говорится, высоком уровне. В их программу входили и музыкальные вечера. Он пригласил меня для участия в них, и там, выступая вместе с замечательным скрипачом Маратом Бисенгалиевым и такими мастерами вокала, как Бибигуль

Тулегенова и Ермек Серкебаев, я пел романс Чайковского и арию Абая. Номера наши шли в сопровождении знаменитого Лондонского камерного оркестра. Успех был невероятный, о чем свидетельствует опубликованный в одной из газет комментарий Би-би-си. «Это событие, – говорится в нем, – не имеет себе равных. Даже широкая реклама не способна была бы собрать полный зал на концерт доселе неизвестных в Англии артистов».

– Ну а что с театром?

– Театра я боялся, хотя и готовился к нему всю жизнь. Понимал: чтобы петь такие партии, как Абай, Риголетто, надо быть подготовленным не только технически, но и внутренне. Как говорится, душой. И здесь я несказанно благодарен судьбе за то, что есть такой замечательный человек, как Ермек Бекмухамедович Серкебаев. Он сыграл определяющую роль в моей биографии. Был у меня такой момент, когда я хотел уйти из консерватории. Думал, что ничего из меня не получится. Но прежде чем поставить последнюю точку, я пошел все-таки к нему и выложил все, что я про себя думаю. «Что ж, – внял он моей исповеди, – давай я тебя еще раз прослушаю». Сел за рояль, взял несколько начальных аккордов песни Абая «Айттым сәлем, қалам қас!», я подхватил. А когда закончил петь, он сказал: «У вас, молодой человек, прекрасный голос! Вы должны учиться». И добавил великие для меня слова: «Бывает, что певец идет к своей вершине не один десяток лет. Кто-то достигает ее годам к тридцати, а кому-то она поддается, дай Бог, в пятьдесят. Природа дала вам все, так что ждите своего момента. Совершенствуйтесь и ждите». Шел 1971 год. Я был после армии – молодой, не устоявшийся, с чисто юношескими, непонятными даже себе самому шатаниями и метаниями.

– Он дал вам запас терпения!

– Абсолютно. Умный человек, и я ему очень благодарен. Я тогда, конечно, и представить себе не мог, что пройдет время, и мы будем работать вместе, что я стану даже деканом вокально-хорового факультета нашей консерватории. И вот в 1997 году я пришел в Государственный академический театр оперы и балета имени Абая. Мне было 47 лет, меня пригласили быть солистом. Открывался очередной сезон, и, как всегда, это была опера Ахмета Жубанова и Латифа Хамиди по либретто Мухтара Ауэзова «Абай», где мне предстояло петь заглавную партию. Но как именно? В свое время я слушал всех ее исполнителей – выдержанного, представительного Ришата Абдуллина, живого, энергичного, а потом более степенного Ермека Серкебаева, исполненного драматизма Мурата Мусабаева. Всех слушал. Но они были людьми своего времени, той идеологической ситуации и регулируемого партийными установками образа мышления. Все ограничивалось определенными рамками, отчего исполнение актеров было скованным и статичным. Представляете, Абай стоит, как монумент, поет, жестикулирует, и все. Ну, разве голову чуть повернет. Он – сын народа, его великий представитель. Он – философ и просветитель. Вот так, грамотно и собранно исполнял его Абдуллин. Красиво, музыкально пел Серкебаев – наш первый истинно профессиональный певец. Как все вокалисты, я всегда стремился подняться до его уровня. Яркая, содержательная личность, высокая культура, красота тембра, проникновение в суть характера. Ритмически все на месте, но тоже в пределах дозволенного.

– Как говорится, Абай с оглядкой?

– Если хотите. А потом ситуация начала меняться, и пришедший уже позже Мурат Хасенович Мусабаев играл не заданную изначально модель, а, обладая

более драматичным, плотным баритоном, создавал на глазах у зрителей характер Абая. Он лепил его голосом, и мне это нравилось. Мне хотелось делать то же самое, но по-своему, по-другому. Углубить, расширить образ, разработать, обогатить характер. Частично я уже осуществил это, исполняя собранные мною романсы. Благодаря им я как бы вошел в Абая, прочувствовал его со всех сторон. Но то было в камерном, концертном исполнении, а тут я выходил на реальное жизненное пространство моего героя, и мне нужно было прочувствовать его в разных ситуациях, в соприкосновении с персонажами. Абай – личность. Внутренне богатый человек, он был требователен, нетерпим к невежам. В роде тобыкты видел всю планету, все человечество, и мне это было интересно.

Конечно, с каждым годом роль эта совершенствуется. Взять последнюю арию Абая – уже после того, как отравленный завистником молодой поэт Айдар умирает. Понятно, это пик горя и страданий Абая, и передаваться все должно на накале. Но в каком тоне, с какой окраской? Не разойдется ли трактовка финала с тем, что заявлено мною в начале спектакля? Что лучше подчеркнуть – боль, отчаяние, позыв к отмищению, постижение человеческой подлости, возмущение несправедливостью судьбы или сдержанное смирение перед нею? Подать трагедию на полном выплеске чувств или скрыть их за внешним спокойствием? Рвать страсти перед всем миром или отмежеваться от него вообще? Что-то я, конечно, отвергаю сразу, а какие-то решения и находки закрепляю. Что-то всякий раз варьирую. На последнем спектакле, например, сделал акцент на безысходности горя Абая. Сыграл, кажется, удачно и запомнил все до мелочей. А главное, удобную для пения мизансцену, и все полезное в следующий раз учту.

Волнуюсь я всегда и перед сценой суда над влюбленными, нарушившими степные законы брака. Решается вопрос жизни и смерти молодых героев, решается также и вопрос соблюдения справедливости. Соединить несоединимое, защитить юные, непорочные сердца, утвердить высшую истину – вот задача, которую создатели оперы возложили на плечи Абая. И мне, артисту, надо решить все это в одной большой, психологически сложной арии, где столько значимых и веских слов, ритмических перепадов. Срабатывает интуиция, возникает простор для импровизации. Поешь, играешь, переходишь на другой регистр, другую интонацию, вкладываешь новый смысл, извлекаешь новые оттенки. Оркестр поддерживает тебя, ты вступаешь в соавторство с композитором и дирижером, и это творчество, это – искусство!

– Опера писалась в советские времена. То был заказ времени. А какова она с точки зрения сегодняшнего дня?

– Прекрасна. Абаю повезло, что к моменту создания ее республика имела таких композиторов, как Ахмет Жубанов и Латиф Хамиди, и что либретто писал сам автор романа «Абай» – Мухтар Ауэзов. Конечно, сейчас уже можно было бы кое-что усовершенствовать. Скажем, душа требует, чтобы в звучании оркестра было больше национального колорита, а это значит, что его надо пополнить некоторыми национальными инструментами. Нужна новая режиссерская постановка спектакля. А те времена, когда писалось либретто, Мухтар Омарханович по идеологическим соображениям не мог ввести в оперу образ Кунанбая. А я вижу его появление первым. Он, а не Абай, должен петь в самом начале ариозо о будущем казахской степи. А маленький Абай должен сидеть рядом, вбирая в себя все, что волнует его отца. Хотелось бы выстроить по-другому и

сценографию – действующие декорации устарели, надо бы что-то посовременнее, поэстетичнее. А если говорить по большому счету, то, мне кажется, давно пора было бы снять этот спектакль на пленку, то есть сделать кинооперу. Не сходящий шестьдесят лет со сцены, он давно уже того заслужил.

– Скажите, а вот язык в «Абае» для певца хороший?

– Очень. Удобный. Хотя партия моя в целом очень трудная, написана на драматический баритон – очень редкий в природе голос. Она, как и у Риголетто, возрастная. В ней большой накал чувства и мысли, сложные пласты переживаний и никакого лиризма. Только драматическое звучание, полнота голоса и тембральной окраски. Это вам не романс. А романс – другая культура. Камерная. Там все на полутонах, нюансах, тогда как в опере надо владеть голосом настолько, чтобы идти вровень с оркестром. Форсировать. Но камерность разрабатывает душу, оттенки ощущений. И потому мне повезло – исполнитель романсов, я пришел в оперу уже подготовленным и размятым певцом. Голос – инструмент тонкий, он требует к себе грамотного обращения. Карузо правильно говорил: «Кто рано начинает, тот рано заканчивает». Как сейчас в Европе делают молодых певцов? Их берут после консерватории, когда они технически еще не развиты, дают большие партии. Те на энтузиазме поют, через десять лет остаются без голоса, и их за ненадобностью выкидывают. Я же своим студентам говорю: «Так нельзя. Нужно накопление знаний, техники, наполнение голоса. За Абая или Риголетто молодому браться не следует. Их нужно петь после сорока. Георгий Отс впервые исполнил Риголетто в пятьдесят».

– На сцене вы ощущаете себя нормально?

– Абсолютно. Это мой дом, мое обжитое пространство. Без этого невозможно. Но, конечно, переживаю страшно. Волнуюсь. Иногда себя ругаю: «Зачем ты выбрал эту профессию?» Но когда уже вышел на сцену, то с первой фразы, с первого звука забываю про страх. Это я к вам пришел, я пою, это мой образ, мой характер, и я отдаю вам всю мою душу!

– Вы внешне очень похожи на Абая.

– У меня замечательный гример – Валентина Яковенко, она на память создает сходство с тем единственным снимком, что сохранил для нас его облик. Но для меня дело даже не в сходстве, а в том, как подать образ. А вообще у каждого художника, скульптора, артиста свой Абай.

– И тем не менее, когда понадобилось создать памятник Абая в Москве, то в качестве прототипной модели скульптор Марат Айнеков использовал именно вас.

– Да, и это для меня более чем приятно.

– А на улице вас узнают?

– Узнают. В Москве здоровались: «О, так это вы и есть Абай! Мы слушали ваши произведения, вы такой талантливый!» В Алматы старики, бабушки подходят, благодарят за то, как я пою Абая. Иногда здороваются молодежь.

– **А на родине Абая вы были?**

– Был. Первый раз после Лондона на больших торжествах и еще в прошлом году, когда мы ездили с оркестром имени Курмангазы по Семипалатинской области. Помню в Абаевском районе огромный концертный зал. И вот после главной арии своей я сошел со сцены и начал петь «Айттым сәлем, қалам қас!». И что вы думаете, все тут же поднялись и все стоя пели тоже. Это было что-то необыкновенное.

– **Абай снится вам?**

– Однажды было. В Лондоне после юбилейного концерта на открытии Дома Абая. Исполненная мною ария была тепло принята собравшимися, а ночью мне приснилась мама. Она ожила как будто, а через некоторое время появился Абай. «Спасибо, – говорит, – спасибо! Ты не даешь забыть меня». Дальше я ничего не помню, но ощущение признательности, сердечная благодарность его остались жить во мне. До этого я никогда его во сне не видел.

– **Вы гордитесь тем, что на вашу долю выпало петь Абая?**

– Конечно, но путь к вершине этого образа бесконечен. Сегодня я спел так, завтра хочется добавить что-то новое. За один раз полностью не выразишься, поэтому идут вариации, переливы живого естества. Это целый большой мир, свой космос. Абая привлекало все общечеловеческое, и, общаясь постоянно с ним, я вижу планету людей будущего.

– **Было ли что-то необычное в вашей жизни применительно к арии Абая?**

– Да. Я по природе своей человек спортивный. Занимался тяжелой атлетикой, штангой, боксом, борьбой, был моржом. Все это помогло мне в армии, особенно во время даманских событий 1968 года. Люблю ходить также в горы. И вот однажды мы с композитором Аманжолом Бахтияром пошли на Чимбулак, а потом поднялись на пик Абая. И там, на высоте четыре тысячи метров мы встретились со скалолазами. Увидев нас, они ахнули: «Как же вы так, без снаряжения? Это же опасно!» Но нам было все нипочем – вокруг красота несказанная, вдали Алма-Ата как на ладони, солнце ярчайшее. Я, конечно, не удержался и спел арию Абая. Но когда романтический порыв иссяк, мы поняли, какое счастье, что эти самые скалолазы оказались здесь. Без них мы бы ни за что не спустились вниз. Приключений таких было немало. Представляете – природа, прозрачный воздух, особая акустика, чистота звука – и я пою. Наедине с небом отрабатываю тембральную окраску голоса, а окружающий пейзаж задает удивительное всякий раз эмоциональное наполнение и обилие оттенков настроения.

***P.S.** «Шахимардан приглашает друзей» – так называется Международный фестиваль оперного и балетного искусства, который ежегодно проходит в Павлодаре. Открывает его, как, кстати, открывала и все сезоны Государственного академического театра оперы и балета им. Абая, опера А. Жубанова и Л. Хамиди «Абай». Фестиваль этот представляет собой большой феерический праздник искусства. Праздник, у которого уже есть традиция, и устроитель его – ведущий солист Государственного академического театра оперы и балета им. Абая, заслуженный артист РК, а ныне еще и лауреат Государственной премии РК Шахимардан Абилов.*

Песни, которые в сердце

I

Проклятый магнитофон не поддавался ни в какую. Он то протяжно и занудно пищал, то вдруг начинал разговаривать на манер морзянки, то лукаво и насмешливо подмигивал зеленым глазком: мол, ничего у вас не получится! Было до слез обидно – так хотелось увезти с собой уникальную запись песен в исполнении Макен-апай. Я совсем уже была пала духом, как она сказала:

– Ничего, айналайн, не огорчайся. Скоро я буду в Алма-Ате, и мы все запишем. А песни... Песни надо хранить в сердце.

Произнесла она это так, что у меня все словно рукой сняло. Стало спокойно и светло, даже торжественно на душе. Потому что в ее устах эти слова – не просто афоризм, а мудрость, пронесенная через всю жизнь.

В Сары-Агач я приехала специально к ней. Случай подсказал. Как-то в одном разговоре мне сказали, что она, Макен Мухамеджанова, дочь Турагула, сына великого казахского просветителя Абая, единственная из всех родственников помнит и исполняет песни, сложенные когда-то знаменитым дедом. Что песни эти в свое время были записаны музыковедом Борисом Григорьевичем Ерзаковичем и хранятся в фонотеке Института литературы и искусства Академии наук Казахской ССР. Да, действительно, подтвердил Борис Григорьевич, такие записи есть, и помог мне уточнить адрес.

Мой приезд к Макен-апай был для нее неожиданным, и она приняла меня несколько сдержанно. Первые минуты неловкости и замешательства, когда ты осторожно подбираешь слова и выражения, всматриваешься в собеседника, стараясь уловить нужную интонацию. Мы сидим в открытой беседке за низким круглым столом на поблекшей от времени кошке. Подливая из старого чайника круто заваренный чай, Макен-апай, как принято по обычаю, подробно расспрашивает меня об Алма-Ате. Постепенно находят общие знакомые, и уж совсем дело начинает идти на лад, когда выясняется, что я знаю ее родственников, а с внучатым племянником Русланом Кульджановым училась в одном классе. Макен-апай заметно теплеет, барьер отчуждения преодолен.

Она выглядит много моложе, чем представлялось. Пятидесяти девяти лет, она в хорошей форме, слегка покрытые сединой и забранные в пучок волосы, внимательный, умеющий все подметить и оценить взгляд, приятные черты умного, одухотворенного лица. Есть в ней некоторая усталость или, скорее, мудрая житейская сдержанность, которая обретается с годами. Да, ею было так много пережито, что рассказать обо всем вот так, сразу, просто невозможно. Макен-апай говорит неторопливо, вспоминая случаи из прошлого по ассоциации. Суждениям ее свойственна разумная последовательность, ясность и четкая логика. Любая ситуация, исчерпанная до конца во всех ее причинах и сложностях, находит обязательный вывод. И в этом, хотя, может, и притянута, мне чудится абаевский склад мышления.

– Так ведь это естественно, – улыбается Макен-апай, когда я подмечаю эту особенность. – Вольно или невольно, порой того не сознавая, я всегда старалась походить на дедушку. Сама я не помню его, потому что родилась через четыре

года после его смерти. Но в семье так много рассказывали о нем, столько было в обиходе придуманных им афоризмов, остроумных выражений, стихотворных строк, что, понятно, все это вошло в нашу плоть и кровь. С большой нежностью и теплотой всегда вспоминал о дедушке мой отец – Турагул. Многое из того, что он сам слышал в детстве, рассказывал нам – легенды, всяческие истории, содержания книг. Помню, от него я узнала впервые о Петре Великом, трех мушкетерах, лессажевском Хромом бесе. Из его уст впервые услышала о Евгении Онегине, лермонтовские поэмы, «Шах-намэ», «Лейлу и Меджнун», «Кёр-Оглы» и другие классические вещи. С тех пор повелась в нашей семье традиция – все новое, интересное передавать другому.

Рассказывал отец и о своих старших братьях, о сестре Гульбадан, которые были людьми талантливыми и образованными, читал по памяти стихи Акылбая, Магавьи Абдурахмана. Особенно много и хорошо говорил о дяде Магавье – поэте и любимом сыне Абая, чью раннюю смерть не мог пережить дедушка и скончался на сороковой день после него, оставив полные трагизма строки:

Ты, домбра, в последний грянь,
Боль и радость затая!
Сердце, биться перестань!
Слезы сдерживаю я.

Будучи человеком бодрым, гуманным и просвещенным, Абай хотел видеть эти же черты и в своих детях. Отец мой, например, закончил гимназию, а затем Томский горно-инженерный институт, был человеком начитанным, хорошо играл на скрипке. В 1909 году он занялся сбором сочинений Абая – им был составлен первый сборник на арабском языке. Многие стихи и песни записаны по памяти. Второе издание вышло в 1921 году. Отец был одним из первых советских переводчиков художественной литературы на казахский язык – переводил Максима Горького, Джека Лондона. Помню, когда двадцатилетний Мухтар Ауэзов работал над «Енлик-Кебек», отец помогал ему, а позднее написал мемуары об Абае. Рукописный экземпляр их на арабском языке я передала на хранение в Центральный музей Казахстана Саре Сатпаевне Есовой. Собранные сочинения Абая, эти воспоминания, а также устные рассказы родственников и людей, помнящих нашего дедушку, дали богатый исходный материал Мухтару Ауэзову для романа об Абае.

– Макен-апай, вы, конечно, хорошо знали Мухтара Омархановича?

– А как же! Я и мой муж дружили с ним. Он бывал не раз у нас здесь, пил чай за этим столом. Всегда приглашал остановиться у себя, когда мы приезжали в Алма-Ату. Эта дружба пролегла через всю нашу жизнь. Нас многое связывало – ведь мы все из одного селения, детство прожили вместе. Мухтар был старше меня лет на семь, и эта дистанция сохранилась как-то навсегда. В трудные моменты я обращалась к нему за советом, дружеской помощью. Земляки его очень любили. Был он тихий, застенчивый, но никогда не кривил душой и о недостатках говорил человеку прямо в глаза. Делал это не обидно, деликатно. Мой отец, хоть и был много старше, очень подружился с Мухтаром. Часто брал у него книги, подолгу разговаривал. А когда в тридцатых годах Мухтар начал серьезно работать над сбором материала для романа, мы много помогали ему. И что нас

поразило – он был настолько стеснителен и скромнен, что ни разу не насмелился прочесть нам ни одной страницы из того, что писал. И лишь потом, когда роман вышел, подарил мне и мужу именные экземпляры. Нужно сказать, что Мухтар был не просто талантливый писатель, но настоящий исследователь. Казалось, уж мы-то все знали из истории нашей семьи, но нет – многое через роман нам открылось впервые. Да, это был самый близкий нам человек. Трудно поверить, что мы лишились его.

Становилось зябко. Солнце уже село, и в саду чувствовалась сырость. Хлопнула калитка – вернулся с улицы самый младший член семьи – внук-третьеклассник Мухтар, как потом мне объяснили, названный так в честь Мухтара Омархановича. Вслед за ним пришел и глава семьи – почтенный, семидесяти с лишним лет очень интеллигентного вида мужчина. Пенсионер республиканского значения, Улугбек Мухамеджанович несколько десятков лет проработал главным прокурором района и сейчас еще не бросает своего любимого дела. Знакомство было радушным, и нас пригласили в дом.

Там, за дастарханом с традиционным беспармаком продолжился разговор. Говорили о последних встречах с Ауэзовым, о новом фильме, который собираются снять казахстанские кинематографисты по его эпосе, о великолепных графических иллюстрациях Евгения Сидоркина к «Абаю», только что вышедшему в серии «Всемирная литература». Тепло вспоминали о Шакене Айманове и Ильясе Омаровиче Омарове, так много сделавших для национальной культуры и безвременно ушедших из жизни. Хозяева подробно расспрашивали о последних литературных новостях – что пишут Ануар Алимжанов, Олжас Сулейменов, Абдижамил Нурпеисов?

Незаметно время подошло к двенадцати. А утром предстояло самое волнующее – песни.

II

Двери в мир открыла песня для тебя.
Песня провожает в землю прах, скорбя.
Песня – вечный спутник радостей земли,
Так внимай ей чутко и цени, любя!

Если не откроешь ей любовно слух,
Если не постигнешь сокровенный дух –
Не споешь ты песню, не поймешь ее.
Но молчать ли песне, если к ней ты глух?

Торжественный момент, когда Макен-апай берет в руки зачитанный, с обмякшими уголками сборник стихов Абая и, неторопливо одевая очки, сосредоточенно ищет нужную страницу. Я думаю: у каждого ли из нас есть такая святая святых, сокровенный спутник душевных радостей и тревог, сомнений и печалей? Сколько раз причащалась эта женщина к сему глубинному источнику мысли?

И вот найден стих – «Көзімнің қарасы». Протяжно и задумчиво, как сама степь, звучит мелодия, исполненная горечи и томления, отправившаяся вме-

сте с поэтом на поиски любви. Поддавшись нежному порыву чувств, голос смягчает высокие, резкие ноты, внося в них задушевность и мечтательность. И удивительно – десятки раз слышанная в ином исполнении песня получает глубину и многомерность. В ней – земная простота и эпическая значительность, чувство, отданное сполна. Так когда-то пел сам Абай, вкладывая в каждую интонацию сокровенный, торжественный смысл. Так передал ее от отца к дочери Турагул.

Восемнадцать песен Абая помнит Макен-апай, из которых поются сейчас только четыре-пять. Бережно и любовно донесла она все тонкости авторского исполнения, малейшие эмоциональные и смысловые акценты. Обладательница приятного лирического сопрано, полученного, как видно, в дар от бабушки – певицы Айгерим, в честь которой Абаем была сложена не одна песня, Макен-апай могла стать неплохой исполнительницей. К сожалению, жизнь сложилась по-иному. Но любовь к песне осталась неизменной. В них, этих песнях, находила она когда-то утешение. Каждая строчка полнилась особым, привнесенным жизнью смыслом. Поэтому так чутко реагирует она на любую вариацию в печатном тексте, говоря: «Если слова путают, не сложится мелодия». Знаменитое «Письмо Татьяны» звучит, как душевная исповедь женщины, чьи чувства понятны каждому. Это – Тогжан и Айгерим, Салтанат и Салиха и немножечко она – Макен. А какого жизненного смысла исполнена заключительная песнь этого цикла – «Смерть Онегина», по-своему истолкованная казахским певцом!

– Абай старался приблизить пушкинский сюжет к народному восприятию, – поясняет Макен-апай. – Поэтому слог у него эпический, высокий. «Ты откройся, мать-земля! Я приду к тебе, потому что нет мне места среди людей...». Вообще манера вольного поэтического пересказа характерна для восточной поэзии. Желая сделать знаменитый роман в стихах близким казахскому читателю и слушателю, Абай придал ему форму эпистолярного романа, сложив мелодии на письма-объяснения Татьяны и Онегина. Поются они легко, но когда вникнешь в каждую интонацию, ритмический переход, в каждое слово, поймешь, как это поразительно по своей точности и эмоциональному звучанию. В этом смысле интересны и другие переложения – скажем, всем известного лермонтовского «На горной вершине стоит одиноко...» и других стихов. Сравнивая народные мелодии с абаевскими, различаешь существенную разницу в интонационном складе. Несомненно, здесь сказалось сильное влияние русской напевности – песни Абая не прямое подражание, а своеобразный, дающий новое качество синтез русского и казахского лада. Вот послушайте. Правда, улавливается несвойственная нам протяжность и иной ритм? Любопытным представляется мне и то, что Абай ввел в наш обиход новые темы песен, новые формы и размеры. Одиннадцать форм, и многие он переложил на музыку. Взять, к примеру, его «Сегіз аяқ» – «Восьмистишия».

Издали зовет,
От души идет,
Заставляет нас трепетать,
Он всего острей,
Он всего быстрее,
Может к месту лань приковать.

О, могучий, гибкий язык,
Ты в устах народа велик!

Слова звучат торжественно, внушительно. Макен-апай подчеркивает их жестом, пояснительным кивком головы. Дикция у нее прекрасная, смысл доносится уверенно и спокойно.

— А вот песня совершенно иная — «Әсетке». Она высмеивает нерадивого безграмотного муллу, которого Абай уличил в невежестве. В ней явны сатирические интонации, столь характерные для казахского исполнительства. Кстати, песню эту мне напел Мухтар-ага, я сама ее не знала. Когда-то ее под скрипку исполнил ему мой отец. Отец мой был очень музыкальным, и как сейчас помню, как он пел трагическую, проникнутую болью абаевскую песню-поминание «Акылбайға» об умершем рано Акылбае.

Кроме песен, связанных непосредственно с какими-то важными событиями, поэтических перепевов, любовной лирики, у Абая были песни глубоко философского содержания, песни-размышления. Это своего рода откровения души, стремление познать самого себя через эмоцию, чувства.

«Я» — душа и сознание, их плоть и кровь —
Оболочка души, их к смерти готовь.
Пусть бессмертна душа, но тело умрет,
Так терпи же, крепись и не прекословь.

В этих и других песнях, как и во всем своем творчестве, Абай является нам человеком очень сложным, незаурядным. И честное слово, я счастлива, что всю жизнь мне пришлось идти рядом с ним, с его очистительной, просветляющей поэзией. Поэзией, которая делает нас выше и благороднее. Моя главная забота — дети и внуки. Внуков у меня восемнадцать. Мечтается мне видеть их всех образованными, интеллигентными людьми. Дети мои уже закончили вузы, младшая только — Сауле — учится в восьмом классе. И чем дальше я живу, тем глубже убеждаюсь в мудрой правоте Абая, который — и этим я горжусь — принадлежит всему нашему народу.

Напоследок я прошу Макен-апай спеть мою любимую песню «Қалам қас». Мягкая и задумчивая, идущая из глубины души, пронесшая через годы и судьбы святость человеческого чувства, — такой запомнилась она мне в первозданном исполнении Макен-апай, дочери Турагула — сына Абая.

